

*Памяти неутомимого и само-
отверженного исследователя
Дальнего Востока, выдающего-
ся путешественника и ученого,
открывшего для мировой науки
неведомые страницы геогра-
фии и этнографии этой обшир-
ной части Советского Союза,
большого друга малых народов
Приморья*

*Владимира Клавдиевича
Арсеньева*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XX

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

ПИСЬМА Л. Я. ШТЕРНБЕРГА К В. К. АРСЕНЬЕВУ

Публикация А. И. Тарасовой (Васиной)

Среди многочисленных учеников известного этнографа члена-корреспондента АН СССР Льва Яковлевича Штернберга (1861—1927) был и замечательный исследователь Дальнего Востока Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872—1930). Во время своей экспедиции на Дальний Восток¹ Л. Я. Штернберг летом 1910 г. посетил краеведческий музей в Хабаровске, где впервые состоялось их личное знакомство. «4 июня [1910 г.] прибыли из Владивостока в Хабаровск, исходный пункт нашего путешествия,— писал Л. Я. Штернберг в своем отчете.— На подготовку к экспедиции ушло здесь 5 дней. Их мы использовали для подробного ознакомления с Хабаровским музеем и для бесед с местными знатоками края. Из них особенно полезным оказался директор музея В. К. Арсеньев, связи которого с местными людьми оказались очень ценными для нас»². Далее путь Л. Я. Штернберга и его помощников лежал по Амуру с остановкой в Николаевске и оттуда на Сахалин.

21 июля 1910 г. В. К. Арсеньев написал письмо Л. Я. Штернбергу из Хабаровска в Николаевск-на-Амуре, положившее начало их переписке. Имеются сведения о том, что в августе того же года В. К. Арсеньев выехал в служебную командировку и был попутчиком экспедиции Л. Я. Штернберга от Николаевска до Александровска на Сахалине³.

В конце 1910—начале 1911 г. В. К. Арсеньев посетил Петербург и Москву, где сделал несколько докладов о результатах своих экспедиций 1906—1910 гг. На заседании Отделения этнографии Русского географического общества (РГО) 18 марта 1911 г. в Петербурге он прочел сообщение «Орочи-удэхе», с замечаниями по которому выступил присутствовавший здесь Л. Я. Штернберг. Состоялась и еще одна их личная встреча — в Ленинграде в начале лета 1924 г. Это была их последняя встреча, но переписка их продолжалась с некоторыми перерывами в течение 17 лет (1910—1926).

Большая часть этой переписки сохранилась: 4 телеграммы и 15 писем Л. Я. Штернберга за период 25 июля 1913 г.—12 мая 1926 г. и 3 телеграммы и 20 писем В. К. Арсеньева за период 21 июля 1910 г.—30 апреля 1926 г.

---

¹ Кроме Л. Я. Штернберга в экспедиции участвовали студенты Петербургского университета И. И. Зарубин и И. М. Аншелес.

² Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, с. 453.

³ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957, с. 274. Выдержка из письма И. И. Зарубина к М. К. Азадовскому.

Из них опубликовано 16 писем В. К. Арсеньева (М. К. Азадовским)⁴ и только одно письмо Л. Я. Штернберга от 31 марта 1914 г.⁵

В сохранившейся части переписки упоминается несколько телеграмм и писем, которые, по-видимому, надо считать утраченными. Это телеграммы (1910, 1915, 1924, 1925 гг.) и письма (1924, 1925 гг.) Л. Я. Штернберга, а также одна телеграмма (1925 г.) и два письма (от 15 февраля и не ранее 12 мая 1926 г.) В. К. Арсеньева. Кроме того, в регистрационном журнале исходящих бумаг Музея антропологии и этнографии значатся: бандероль (от 1 апреля 1914 г.) и письмо (от 7 октября 1914 г.) Л. Я. Штернберга В. К. Арсеньеву, тоже не сохранившиеся⁶.

Опубликование одних лишь писем В. К. Арсеньева (притом не всех) к Л. Я. Штернбергу, конечно, не могло дать полного представления о характере и содержании переписки в целом. Письма Л. Я. Штернберга, хранящиеся во Владивостоке (местный филиал Географического общества СССР), до сих пор не введены в научный оборот. В этом кроется основная причина однобокого освещения в советской литературе характера взаимоотношений ученых: преувеличивается роль Л. Я. Штернберга в становлении В. К. Арсеньева как этнографа.

Нет сомнения в том, что Л. Я. Штернберг оказал большое влияние на формирование этнографических взглядов В. К. Арсеньева. Известна и его практическая помощь путешественнику: снабжение специальной литературой, этнографическими программами и инструкциями, методическими указаниями, советами. Об этом свидетельствуют и их переписка, и письма В. К. Арсеньева к другим ученым.

Однако не следует забывать и тот факт, что В. К. Арсеньев еще до знакомства с Л. Я. Штернбергом был уже достаточно искусственным полевым этнографом, имевшим 10-летний опыт самостоятельной работы в изучении коренных народностей Дальнего Востока. Во время своих знаменитых экспедиций 1906—1910 гг. он собрал огромный материал. Его экспедиционные дневники тех лет насыщены ценнейшими этнографическими сведениями, а тетради с записями слов удэгейского и ороцкого языков показывают, что путешественник собирал материалы для словаря. Весь этот богатейший экспедиционный материал составил основную базу для написания научных трудов и научно-художественных произведений В. К. Арсеньева⁷.

---

⁴ Кроме 4 писем и 3 телеграмм, как не представляющих большого интереса; из них 2 письма сохранились полностью (от 2 февраля 1915 г. о высылке изданий Приамурского отделения РГО в Музей антропологии и этнографии Академии наук и от 7 марта 1924 г. об организационных разногласиях между Дальневосточным университетом и Владивостокским отделом РГО), а 2 письма — в отрывках (см.: В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, с. 215—231).

⁵ В. К. Арсеньев. Сочинения. Т. 6. Владивосток, 1949, с. 232—233.

⁶ Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 69, л. 342, 479.

⁷ Экспедиционные дневники В. К. Арсеньева за период 1906—1927 гг. (всего 26 ед. хр., в том числе 18 общих тетрадей в клеенчатых переплетах, 3 блокнота, 4 записные книжки и 1 самодельная тетрадь без обложки) сохранились достаточно полно.

Судьба ранних дневников (1901—1905 гг.) остается неизвестной (см.: А. И. Тарасова. Обзор документальных материалов фонда В. К. Арсеньева. — «Советские архивы», 1973, № 6, с. 68—69).

В. К. Арсеньев занимался самообразованием всю свою жизнь и всегда был рад случаю пополнить знания путем общения (личного и письменного) с учеными-специалистами. Первыми его наставниками в этнографии были члены Общества изучения Амурского края ботаник Н. А. Пальчевский и врач Н. В. Кирилов, сами небезуспешно занимавшиеся этнографическими исследованиями. Путешественник знакомится и ведет переписку с видными этнографами и антропологами: Б. Ф. Адлером, Л. Я. Штернбергом, Д. Н. Анучиным, В. В. Богдановым, Ф. К. Волковым, П. П. Шмидтом, С. М. Широкогоровым, Е. М. Челурковским, С. Ф. Понятовским, Б. Э. Петри, С. И. Руденко и др.

Из этого перечня имен самым близким и дорогим для него было имя Л. Я. Штернберга, с которым его связывала кроме научных интересов большая личная дружба. Поэтому ничего нет удивительного в том, что в докладе «Памяти Л. Я. Штернберга», прочитанном на заседании Владивостокского отдела РГО 19 мая 1928 г., В. К. Арсеньев, отдавая справедливую дань уважения и благодарности своему учителю и другу, несколько «завысил» оценку его влияния на свои этнографические работы. Такая необъективность автора доклада усугублялась довольно-таки произвольным цитированием имевшихся у него писем Л. Я. Штернберга и изменением действительной датировки некоторых из них. Возможно, была и другая причина, заставившая В. К. Арсеньева прибегнуть к некоторой необъективности. Как свидетельствуют современники В. К. Арсеньева М. К. Азадовский⁸ и Н. В. Усенко⁹, а также В. Г. Пузырев, автор одной из работ об Арсеньеве-писателе¹⁰, в 20-х годах имела место попытка со стороны отдельных недоброжелателей В. К. Арсеньева опорочить его труды, объявить их научно несостоятельными. Особенно резким нападкам подверглись его этнографические работы, опубликованные в 1926—1928 гг.¹¹

Беспокоясь о своем научном престиже, В. К. Арсеньев неоднократно обращался к известным ученым Л. Я. Штернбергу, В. Г. Богоразу, А. А. Борзову и другим с просьбой о написании и напечатании отзывов о его книгах и статьях. Л. Я. Штернберг намеревался это сделать (см. здесь письмо № 19), но смерть помешала ему исполнить это намерение. В докладе «Памяти Л. Я. Штернберга»¹² В. К. Арсеньев, сильно преувеличивая роль Л. Я. Штернберга как своего учителя, становился как бы под защиту его авторитета, бесспорно признанного в мировой науке.

---

⁸ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, с. 280. Комментарий М. К. Азадовского.

⁹ Н. В. Усенко. На кафедре — В. К. Арсеньев. — «Тихоокеанская звезда». Хабаровск, 16.IX.1972, с. 4.

¹⁰ В. Г. Пузырев. Проблемы жанра, традиций и новаторства в творчестве В. К. Арсеньева. — «Ученые записки Ульяновского госпединститута им. И. Н. Ульянова». Т. XXV. Вып. 3. Ульяновск, 1969, с. 179—247.

¹¹ В. К. Арсеньев, Е. И. Титов. Население, как производительный фактор. — Экономика Дальнего Востока. М., 1926, с. 50—77; они же. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск — Владивосток, 1928, 83 с. В начале 30-х годов раздавались даже голоса, обвинявшие В. К. Арсеньева в том, что он был «выразителем идей великодержавного шовинизма» (!) (см. статью Т. В. Станюкович в данном сборнике, а также прим. 40 к настоящей статье).

¹² Доклад опубликован в «Записках Приморского филиала Географического общества СССР». Т. 25. Владивосток, 1966.

Переписка Л. Я. Штернберга и В. К. Арсеньева позволяет убедиться в том, что истинные их отношения носили скорее характер научного содружества, чем научного руководства одного другим. Конечно, В. К. Арсеньев очень ценил советы Л. Я. Штернберга, но это не мешало ему иметь и свободно высказывать свои суждения, спорить по принципиальным научным вопросам.

Известно, что В. К. Арсеньев одним из первых установил этнографическую самостоятельность удэгейцев и их самоназвание, ставшее общепринятым. Л. Я. Штернберг неправоммерно считал удэгейцев, которых называл кекарями, южной этнографической группой ороческой народности (письмо № 6). По этому поводу В. К. Арсеньев писал: «Отчего Вы, Лев Яковлевич, орочей-удэхе называєте кекарями? Сами себя они так никогда не называют. Уверю Вас, что название удэхе будет правильное. Слово „орочи“ я прибавляю, чтобы указать, о ком именно идет речь. Орочи Императорской гавани только в насмешку называют их кякала, кяка, кякари и кека, кекари. Я думаю, что если народ этот названия такие считает для себя обидными, они (то есть названия) не будут истинными»¹³.

Л. Я. Штернберг был суровым, но справедливым критиком работ В. К. Арсеньева (письмо № 12), что последний особенно ценил в нем. Указывая на отдельные недостатки, Л. Я. Штернберг оценивал этнографические труды и материалы В. К. Арсеньева в целом очень высоко¹⁴. В своих письмах к путешественнику он нередко обращался за помощью в разработке маршрутов студенческих экспедиций, поручал сбор сведений по интересовавшим его вопросам, в частности «о родственных названиях и нормах брака у орочей», просил о высылке коллекций в Музей антропологии и этнографии. В личном архиве Л. Я. Штернберга, хранящемся в Архиве АН СССР в Ленинграде, имеются материалы для его статьи «Народы Приамурского края» с подробными выписками из этнографических докладов В. К. Арсеньева, прочитанных и опубликованных в Харбине в 1916 г.¹⁵

Впервые публикуемые здесь письма Л. Я. Штернберга В. К. Арсеньеву вносят существенный штрих в биографии обоих ученых и помогут правильное осветить некоторые факты из истории науки. Письма печатаются без сокращений. Почти все они датированы автором, кроме двух, даты которых (30 июля 1924 г. и 1925 г.) установлены нами и заключены в квадратные скобки. В конце каждого письма указан его архивный шифр. Слова, подчеркнутые автором, набраны курсивом. Явные описки исправлены без специальных оговорок. Краткий комментарий к письмам дан в конце публикации.

¹³ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, с. 221. Письмо В. К. Арсеньева к Л. Я. Штернбергу от 28 мая 1914 г.

¹⁴ Л. Я. Штернберг. Этнография — Тихий океан. Русские научные исследования. Л., 1926, с. 159.

¹⁵ Архив АН СССР, ф. 282, оп. 1, № 87, л. 102—108. См. примечание № 22 к помещенной здесь публикации.

№ 1

25 июля 1913 г.

г. Петербург

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Сейчас приехал с дачи и получил Ваше письмо, которое меня очень обрадовало¹. Жаль мне было в свое время, что так вдруг все оборвалось, да я от Вас и права особенного не имел ожидать специального расположения, хотя я лично к Вам совершенно сердечно в свое время привязался. Ну, не будем вспоминать о прошлом. Словом, очень рад и лично за себя, за Ваши добрые чувства, и за Музей, которому Вы можете быть так полезны, и за этнографию, наконец.

Очень рад буду получить от Вас ороческие вещи. Кстати, если Вы еще можете общаться с орочами, я попросил бы Вас узнать от них по некоторым специальным вопросам, о которых напишу в другой раз.

Осенью мы вскрыли железный ящик, в котором умещен гроб, и произведено разыскание, хотя очень боюсь, что деньги если и были, то могли истлеть или быть присвоены служителям во время дезинфекции². Очень тороплюсь: спешу к поезду и потому кончаю. Еще раз очень-очень рад. Крепко жму руку и буду ждать писем.

Ваш
Л. Штернберг.

*Автограф на офиц. тип. бланке МАЭ.
ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 1.*

№ 2

14 августа 1913 г.
№ 282

Из Петербурга в Хабаровск Музей
подполковнику
Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву

Переведено телеграфом 150 рублей³.

*Машинописный отпуск телеграммы, без подписи.
ААН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 66, л. 56.*

№ 3

16 октября 1913 г.
№ 348

г. Петербург

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Сейчас получил Ваше письмо и спешу ответить хотя бы кратко (сейчас завален работой).

Отвечаю по пунктам: 1) 15 рублей оставьте на последующие покупки. 2) Пришлите только расписку на все 150 рублей за свою гольдскую коллекцию. 3) Пня от Кирилова⁴ мы не получили. Если их пара, то мы будем весьма признательны, если Вы пришлете нам еще другой. Очень рад, что Вы беретесь за Уди⁵ со всей душой. Но не находите ли Вы, что Вам для дополнения следовало бы хоть на пару месяцев еще съездить к ним? Относительно проекта северного⁶ я сейчас затрудняюсь сказать что-либо определенное. Нужно обмозговать все это и притом поговорить с Йохельсоном и Богоразом, знатоками этих мест и народов⁷. Что касается средств на эту экспедицию, то, думается мне, что Гондатти⁸ за чашкой чаю с нарочно приглашенными лицами легко может собрать на месте такую небольшую сумму. Но об этом тоже впереди. Пока позвольте Вас поблагодарить за Ваше сердечное письмо и Ваше содействие Музею и просить Вас приобретать для Музея *все*, что попадается из области этнографии, говорю все, так как все, что будет для нас лишнее, мы всегда можем обменять с другими музеем.

Желаю всего хорошего, радуюсь Вашей жизнерадостности и бодрости, а ведь это все.

Жму руку. Преданный
Л. Штернберг.

*Подлинник. Машинопись на офиц. тип. бланке
МАЭ, с авт. подписью.
ЛФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 2.
Имеется и машинописный отпуск, с авт. подписью.
ААН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 66, л. 110.*

№ 4

22 февраля 1914 г.
№ 95

Из Петербурга в Хабаровск
Музей Арсеньеву

Куплены ли костюмы сколько денег выслать ороческие посылки не получены

Л. Штернберг.

*Рукописный отпуск телеграммы.
ААН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 66, л. 262.*

№ 5

31 марта 1914 г.
№ 181

г. Петербург

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Очень благодарен за письмо. Пожалуйста, скупите все, что можно, с выставки (чукотские, коряцкие, ламутские и т. д.)⁹

и вообще у тех инородцев, которые к Вам являются, в частности орнаментированные костюмы из рыбьей кожи. Деньги вышлем. Телеграфируйте. Пень ждем с нетерпением, пересылка не играет роли, адресуйте нам (Академии наук, Музей этнографии) с уплатой здесь, в Хабаровске ничего платить не нужно. Когда будете у орочей, покупайте и у них для нас все, что попадется, не считаясь с тем, что у нас имеется уже в Музее. Книги вышлю Вам, но их нужно поискать у антикваров, в продаже их уже нет¹⁰. Очень рад, что у Вас образовался кружок этнографии и археологии¹¹. Иван Иванович Зарубин¹² тоже увлекся этнографией, и я его устроил в экспедицию на Памир.

Очень рад, что Вы еще раз едете к орочам и заполните работу. Большая просьба к Вам: соберите как можно подробнее ответы по родственным названиям (по таблице имеющейся у г. Азадовского¹³ инструкции) и если поделитесь со мною, буду очень благодарен.

Снова Вас беспокою распиской. Нам нужна расписка на 150. Вы прислали на 135 (15 у Вас осталось). Вы понимаете, что за гольдские и другие вещи 150 получим. Извините за беспокойство. Привет г. Азадовскому.

С сердечным приветом и лучшими пожеланиями Ваш

Л. Штернберг.

*Автограф на офиц. тип. бланке МАЭ.
ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 5.
Опубл. в кн.: В. К. Арсеньев. Соч. Т. 6. Владивосток, 1949, с. 232—233.*

№ 6

26 апреля 1914 г.

№ 215

г. Петербург

Дорогой Владимир Клавдиевич!

На днях Вы получите 300 рублей из Академии. Эти 300 рублей назначены Вам для покупки предметов из быта инородцев; прежде всего, конечно, Вы закупите все заслуживающие внимание вещи, которые остались с выставки из быта разных инородцев. На остальное покупайте предметы у гольдов. Весьма желательно прежде всего, чтобы Вы покупали одежды из *рыбьей кожи с орнаментом* и затем все, что относится к костюму, сапоги, штаны, шапки и т. д. Гольдских костюмов из *рыбьей кожи* нам желательно иметь в возможно большем количестве, конечно, орнаментированные экземпляры. Пришлите расписку в получении денег. Да, сообщаю Вам, что мы получили одну посылку, в которой Вы прислали три предмета из быта кекарей¹⁴,

между прочим два идола. Эти крайне интересные предметы не имеют никакого описания, так что их и невозможно зарегистрировать. Вы, должно быть, забыли прислать таковое. Очень прошу Вас сообщить мне все те сведения, которые Вы имеете об этих предметах. Затем, если еще у Вас есть предметы, купленные Вами на те товары, которые я Вам в свое время оставил, то будьте добры выслать их с объяснениями. Далее, по моему поручению Вам высланы книжки с опросными листками. Вы, вероятно, в недоумении, в чем дело и зачем они присланы. Хочу Вам объяснить. Это связано с делом, которое Вас тоже заинтересует. Дело в том, что при Этнографическом отделении Географического общества в Петербурге образовалась Комиссия для составления *этнографических* карт Российской империи. При этой Комиссии образовалась специальная подкомиссия для составления этнографической карты *Сибири*. Эта Комиссия состоит и работает под моим председательством. И вот эта Комиссия для собирания точных сведений о различных населенных пунктах Сибири отпечатывает эти книжки с опросными листками и раздает их всевозможным лицам, которые отправляются в разные части Сибири. Поэтому покорнейшая просьба, чтобы Вы эти книжки раздавали надежным лицам, которые по тем или другим причинам отправляются в разные места Приамурского края: чиновникам, инженерам, священникам, учителям и т. д., и пусть они заполняют эти книжки, и затем исписанные — прислать в Петербург или по адресу Музея, или в Географическое общество. Имейте в виду, что мы предполагаем составить не одну только карту распределения племенных языков, но мы составим целый ряд карт, прежде всего по племенам это будет одна карта, затем по распространению разных типов одежды, затем по типам хозяйственного быта, по верованиям и т. д. и т. д. Работа очень сложная и требует сотрудников среди всех людей и вообще интеллигентных людей Сибири. Очень важно, таким образом, заинтересовать местных людей и администрацию, и духовенство, преподавательский персонал и вообще разъезжающих или живущих на месте людей, которые могут быть полезны. Конечно, на опросном листе ответы подробные не могут уместиться. Поэтому [на] те вопросы, на которые нельзя помещать ответы на самом листе, можно отвечать более подробно в особых приложениях, причем на этом приложении надо написать номер опросного листка. Дело в том, что каждая книжка имеет свой номер. Но, кроме того, на каждом отдельном листке надо поставить дополнительный номер. Например, если книжка носит № 150, то первый опросный листок будет иметь № 150—1 и т. д. Таким образом, добавления нумеруются соответственно номеру опросного листка. Более подробно о программе составления карты и о том, что местные учреждения могли бы сделать для нас в организованном виде, будет нами прислано потом. А пока надо раздавать эти книжки, что-

бы собрать как можно больше предварительных сведений. Прошу Вас, как любителя края, обратить внимание особенно на тех лиц, которые едут в такие места, относительно которых сведения сомнительны. Например, сведения крайне сомнительны относительно реки Горыни, Кура и относительно названия тех народностей, которые там живут. Совершенно мало сведений об инородцах Амурской области. Затем очень интересны места, которые лежат между Охотском и между Николаевском-на-Амуре. Это побережье населено разными тунгусскими народами, но точного распределения их мы не знаем. Если бы Вы частным образом узнали в Канцелярии генерал-губернатора о сведениях, имеющихся относительно этих мест, сведениях новейших и более-менее достоверных, то Сибирская комиссия была бы Вам крайне благодарна за эти сведения. Но пока используйте те книжки, которые мы послали. Жду от Вас ответа и еще раз напоминаю Вам об объяснениях к уже высланным предметам и просьба выслать дополнительно предметы.

Ну, желаю всего хорошего и всяких успехов. Кстати, еще одна просьба: напишите мне подробно, в какие пункты орочей Вы собираетесь, едете ли Вы к кекарям или к северным орочам. Если поедете к северным орочам, то можно было бы дать Вам специальное поручение относительно сборов коллекций для нас. Да и от кекарей нам не мешало бы иметь полные коллекции, на что мы могли бы Вам ассигновать особую сумму.

Ну, всего хорошего. Жду. Ваш

Л. Штернберг.

*Подлинник. Машинопись на офиц. тип. бланке МАЭ, с авт. подписью.
ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 3—4.
Имеется и машинописный отпуск, с авт. правкой и подписью.
Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 66, л. 362—364.*

№ 7

М.Н.П.

Имп. Академия наук
Музей антропологии
и этнографии им. Петра Великого
30 апреля 1914 г.
С.-Петербург.

Дорогой Владимир Клавдиевич, податель сего, польский антрополог Станислав Понятовский, едет на Амур для антропометрических измерений. Очень прошу Вас оказать свое товарищеское содействие своим опытом, советами и связями. В свою

очередь, быть может, г. Понятовский будет и Вам полезен своими знаниями и антропологическими опытами¹⁵.

Всего хорошего.

Ваш
Л. Штернберг.

*Машинописная копия с копии, заверенная
В. К. Арсеньевым.
АГО, ф. 1, оп. 1 (1917), № 1, л. 227.*

№ 8

11 февраля 1915 г.

г. Петроград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Очень рад Вашей экспедиции¹⁶. Втройне рад. Во-первых, она очень важна для нашей Картографической комиссии, потому что как раз о народностях этого края мы не имеем никаких точных сведений, даже о самоназвании их. У Шренка терминология сомнительна. Кой-какие сведения о маршрутах найдете и у Шренка, и у Миддендорфа¹⁷. В частности, очень сомнительно название *килей*. Только советую уже исчерпать сведения об этом крае, т. е. по возможности выяснить точно (лучше всего личным осмотром, а в крайнем случае опросами) по крайней мере *территорию и границы распространения каждой народности*. В частности, обращаю Ваше внимание кроме рр. Куры и Горыни, на территорию от *верховьев Амгуни* (от ст. Кербн) *до устьев Тугура*. В этом последнем районе обратите особенное внимание на предания о происхождении и расселении местных народностей. Особенно подробно и точно выясните самоназвание каждого народа и как его другие народы называют и предания об их происхождении и прошлые судьбы народа в целом и отдельных родов в частности. Ответьте подробно на все вопросы *опросного листка* и попытайтесь собрать сведения согласно моей программе, посланной Вам в прошлом году (Общество изучения Сибири, 2-е издание). Старайтесь все, что важно (в частности, жилища, одежды, обряды и пр.), фотографировать и старайтесь составить словарик (хотя бы маленький) каждой народности; материал для словаря постарайтесь собрать по всем отраслям быта. Был бы очень благодарен, если бы для меня лично собрали подробно родственные названия и *нормы брака* по моей программе.

Во-вторых, рад за Музей, который Вы обогатите коллекциями. Надеюсь, конечно, что Вы будете собирать (кроме Вашего Музея) только для нашего, ибо всякая разбивка материала по разным учреждениям в научном отношении, как Вы сами убедились, только вредна. *Что собирать* — трудно сказать, потому что мы бы хотели все иметь и по быту, и по орнаменту, и по

религии. На предметы религии обратите особое внимание, кстати, когда Вы будете записывать инородческие названия божеств, постарайтесь добиться буквального значения этих названий. Обращаю Ваше внимание на то, что на Горыни особо развито искусство орнамента по бересте, и Вы нам соберите *побольше* изделий из этого материала. Затем соберите изделия (одежда, обувь и пр.), украшенные орнаментом из волос лося или оленя (чаще всего он на погребальных одеждах), и выясните, где больше всего процветает этот орнамент (интересны предания по этому вопросу). Собирайте специальные парадные *охотничьи* костюмы, в которых идут на осеннюю охоту. Но, кроме того, повторяю, собирайте по возможности *все*. А все, что собираете и изучаете, изучайте во всех деталях, в частности все типы жилищ и одежды. Посылаю Вам специальную программу по оленеводству. Посылаю также листы для измерений на всякий случай, если будете мерить, и еще несколько опросных книжек. Высылаем Вам пока 600 рублей. Если успеете заполнить и выслать заполненные книжки по орочам, будем очень благодарны. Лодочки получили, спасибо.

Кстати о народе *намука*. Это, по-видимому, совсем не особый народ, а тунгусы *приморские* (от наму — море).

Желаю всего хорошего и успехов в работе.

Крепко жму руку. Ваш
Л. Штернберг.

Не забудьте расспрашивать, не находятся ли где старые «ямки» — остатки древних жилищ (если возможно, раскопать), и расспросить, не находят ли где каменные орудия.

Подлинник. Машинопись на офиц. тип. бланке МАЭ.

ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 6—8.

Имеется и машинописный отпуск, с авт. правкой и подписью.

ААН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 69, л. 47—49.

№ 9

18 апреля 1915 г.
№ 99

Из Петрограда в Хабаровск
Музей Арсеньеву

Сообщите получили ли деньги письмо Когда выезжаете

Штернберг

Рукописный отпуск телеграммы.

ААН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 69, л. 96.

20 апреля 1916 г.
№ 112

Из Петрограда в Хабаровск
Директору Музея Арсеньеву

Нетерпеливо жду известий

Л. Штернберг

Рукописный отпуск телеграммы.
ААН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 69. л. 306.

№ 11

10 сентября 1916 г.

г. Петроград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Я отсутствовал в течение лета из Петрограда, и письмо Ваше поэтому только теперь в моих руках. Прежде всего должен Вам сказать, что это *первое* от Вас письмо со времени высылки Вам денег. Не имея от Вас известий, я был вполне уверен, что Вы в экспедиции, и, полагая, что Вы наконец вернулись, я Вам телеграфировал. Очевидно, Ваши письма не дошли до меня.

Что касается денег, то, если этой осенью экскурсии не состоится, перешлите деньги на имя Музея, т. к. они при нынешних обстоятельствах, в конце бюджетного года, окажутся очень кстати.

Затем, когда Ваша экспедиция наконец состоится, то телеграфируйте, и деньги сейчас Вам будут высланы из сумм 1917-го года.

Вы спрашиваете моего совета, стоит ли по окончании войны, если Г[ондатти] будет и впредь препятствовать, выйти в отставку и предпринять экспедицию¹⁸. Насчет отставки мне трудно советовать, разумеется, а насчет экспедиции, конечно, всемерно одобряю.

Впрочем, думаю, что и после выхода в отставку Вам нетрудно будет вновь попасть на службу при любом генерал-губернаторе. На Амур сейчас не собираюсь, время теперь неподходящее, а со временем, конечно, поеду. Ив. Ив. Зарубин еще на Памире и очень успешно работает, а Аншелес, другой мой спутник, тоже по ученой части состоит — оставлен при Университете и состоит ассистентом при Горном Институте. Видите, из моих спутников вышел толк.

Очень прошу Вас не замедлить ответом. Хочу знать, что с

Вами. Не распространяюсь о Г[ондати], ибо с его биографией еще с давних пор знаком слишком хорошо.

Всего хорошего.

Вам преданный

Л. Штернберг.

*Автограф на офиц. тип. бланке МАЭ.
ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 9.*

№ 12

20 февраля 1917 г.

г. Петроград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Простите, что так долго не отвечал на Ваше письмо¹⁹. Все обдумывал, что Вам предпринять в ближайшее время. Пришел к заключению, что без предварительного ответа от Вас ничего не придумаю. Дело в том, каковы Ваши намерения относительно уже собранного Вами материала. Считаете ли необходимым его пополнить или же считаете достаточным для того, чтобы приступить к обработке? Если да, то самое благоразумное прежде всего закончить обработку старого, а то копить и запустать старое опасно.

А что Вы думаете насчет экспедиции на территорию между Горыном и Амгунью? Остались ли у Вас фонды, которые Вы получили от какой-то компании²⁰? Если Вы собираетесь возобновить эту экспедицию, то мы примем охотно в ней участие.

О возвращенных Вами С. М. Широкогорову²¹ суммах мне было сообщено, так что можете быть спокойны. Ваши «Этнологические проблемы» и доклады в «Вестнике Азии»²² я читал и должен Вам сказать, как преданный Вам человек, что на этих вещах лежит печать спешности и вследствие этого некоторой несерьезности. Сейчас под рукой у меня нет «Этнологических проблем» и потому о них не буду распространяться. Но вот припоминаю, что доклад об удехе у Вас назван «Американоиды» и в «Проблемах» Вы их таковыми считаете, а Ваши доводы по меньшей мере недоказательны. Ваша сравнительная таблица составлена из случайных сопоставлений и вдобавок не совсем верных. Фигурные столбы, например, есть и у орочей, и, между прочим, они вовсе не «обиталище чорта». По-Вашему, шаманские маски, изображения духов (помогающих) шаману и т. д.— все это напоминает американцев, но Вам, очевидно, неизвестно, что у забайкальских и других тунгусов имеются такие маски, а духи для борьбы имеются у всех сибирских народов. Неточно у Вас описание нарт: у Вас, например, коряцкие и гиляцкие нарты выходят тождественными. Между тем они совершенно отличного устройства.

Много, много неточного и поспешного в Вашей статье: это все результат провинциальной работы, и это жаль. Между прочим, по этой работе можно думать, что Вам еще многое следовало бы дополнить и у удыхе. А хотелось бы, чтобы эта работа (об удыхэ) вышла образцовой. Тяжело мне огорчать Вас своим отзывом, но думаю, что для Вас полезно выслушать искренний голос весьма расположенного человека. Так что не огорчайтесь, а примите просто к сведению.

Очень, очень обрадовался я, что Вы наконец освободились от своей «гражданской» службы²³. Надеюсь, что материально Вы не очень пострадали. Ну, всего хорошего.

Буду ждать от Вас ответ.

Ваш
Л. Штернберг.

*Автограф на офиц. тип. бланке МАЭ.
ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 5—6.*

№ 13

8 апреля 1923 г.

г. Петроград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Вдвойне Вам признателен за Ваши книги: во-первых, за Вашу память обо мне, во-вторых, за то удовольствие, которое Вы мне доставили своей книгой²⁴. Ваша книга напомнила мне старое дорогое прошлое, самые лучшие дни жизни, моих милых друзей инородцев, а затем неподражаемый образ Дерсу, который мне так душевно близок и дорог.

Это, так сказать, интимная сторона книги. Но для меня она имела и специальный интерес. Хотя этнографии уделено в ней мало места, но то немногое, что Вы сообщаете со слов Дерсу, подлинные перлы примитивной психологии. Я крайне рад за Вас, что Вам посчастливилось увидеть в печати Ваши дневники...

Отчего Вы ничего не написали о себе? Я интересуюсь не только книгами, но и Вами лично. Кое-что о Вас мне рассказали приезжие, но все же этого мало. Мне интересно, далее, знать, что случилось с Дальним Востоком, который я люблю, как вторую Родину. Не знаете ли что про Николаевск? Что с Музеями в Хабаровске и Владивостоке?

Не собираетесь ли на время сюда? Возможно, что я сам приеду на короткое время. О, как хорошо это было бы!

О себе скажу кратко. Кроме Музея у меня работа большая в Университете и на этнографическом факультете Географического института, где я вдобавок деканом, так что я страшно завален работой. За эти годы благодаря исключительным обстоятельствам напечатать ничего не удалось, хотя работ у меня

накопилось достаточно. Хорошо, что посчастливилось выжить эти годы и сохранить здоровье более или менее и бодрость. Моя семья также пребывает благополучно. Самое приятное, что есть хорошие ученики, которые, надеюсь, будут продолжать дело этнографии.

Когда будете писать, не откажите сообщить 1) где и какой адрес Мерварта²⁵, 2) каково Ваше положение во Владивостоке, 3) каково положение Университета и играет ли он какую-нибудь роль в жизни Владивостока, кто из профессоров остался и т. д. В частности, Музей наш крайне заинтересован в двух сотрудниках, которые работали на Д. В. и до сих пор не вернулись, именно в Широкогорове и Мерварте, не откажите сообщить, если что-нибудь знаете про них, *есть ли надежда на скорое их возвращение.*

Наконец, вообще сообщите о старых знакомых, если таковые еще сохранились.

Затем, в ожидании Вашего скорого ответа, желаю всего хорошего.

Ваш преданный и любящий

Л. Штернберг.

Мой адрес: Р[оссийская] Академия наук, Музей.

Автограф.

ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 12—13.

№ 14

19 апреля 1924 г.

Ленинград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Не писал Вам так долго по многим и многим причинам, о которых распространяться не стану. Во всяком случае я надеюсь, что г. Семенов²⁶ кое-что Вам сообщил обо мне.

Меня очень расстроила вся история с Музеями, и я старался сделать что возможно. Вам уже телеграфировали (Шокальский), что Главнаука приняла Вашу сторону и сделала соответствующие распоряжения во Владивосток. Сегодня я еду в Москву и еще подогрею в этом смысле. Хабаровский Музей Главнаука не считает возможным перевезти в Ленинград. Она требует подробных сведений, каких я не имею. Хлопочу я, чтобы Вы получили рублей 500 на орочей, но не знаю, чем кончится в связи с нынешними финансовыми затруднениями. Вы пишете, что охотно перебрались бы сюда. У нас в Музее, если утвердят штаты, нашлось бы место, и я был бы пресчастлив иметь Вас здесь, но ведь это не устроит Вас, многосемейного человека, плюс расходы по переезду. Кроме того, здесь по части квартир дело нелегкое.

Теперь о следующем. Вы знаете, что здесь есть комиссия при Академии для составления племенных карт²⁷. Теперь мы дошли до карты Амурского края. Есть материалы по переписи [18]97 г., если бы имелся переписной материал более или менее полный последнего времени со включением китайского и корейского населения, то взяли ли бы Вы дать нам такую карту? Если да, то сообщите. Некая сумма будет уплачена за эту работу. Затем, Вы писали, что Ваши сотрудники по Главырбе могли бы содействовать Музею. Я страшно благодарен Вам за это предложение. Но как насчет денег? Конечно, им легко разные не ценные в денежном отношении вещи и так достать, а эти-то «неденежные вещи» могут быть очень ценны для Музея. Нам особенно важны предметы культа, идолы, шаманские фигуры, столбы, предметы из гробниц и затем предметы техники, искусства, но если бы пришлось потом доплатить, то это было бы возможно, если только это будет в пределах весьма скромных. Ваш музейный опыт подскажет Вам, какие указания дать. Нельзя ли чего-нибудь по части археологии? Раскопки ведь часто денег не стоят. Кстати, на имя Академии наук Музеем этнографии пересылка до пуда посылки и письма идут бесплатно. Ужасно интересно, что алеуты на Командорских островах! Я бы охотно пристроил кого-нибудь из студентов туда на службу, если это возможно, и он бы там изучил их быт.

Ну, конечно, тороплюсь к отъезду. Сообщите, как теперь дела Общества и Музея, в частности, подробно о Хабаровском музее. С личностью Л[ипского] постараюсь тут познакомить и в Москве²⁸.

Всего хорошего, спасибо за Вашу память обо мне.

Ваш Л. Штернберг.

Автограф.

ЛФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 14—15.

№ 15

[30 июля 1924 г.]

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Пользуюсь случаем, что еду для практики в Ваши края наши студенты, чтобы послать Вам привет. Признаюсь, очень удивляюсь, что до сих пор не получаю ответа ни на телеграммы, ни на письма. Что же случилось с Вами? Надеюсь, что у Вас все благополучно. В партии студентов нет ни одного этнографа, все чистые географы, но надеюсь, они будут Географическому обществу полезны и Вы их с обычной теплотой встретите. Кстати, следующая просьба. Меня очень интересует р. Горин и связь ее с Куром, с одной стороны, и Амгунью — с другой,

конечно, главным образом с точки зрения распределения населения. Хотелось бы выяснить, по крайней мере, возможные маршруты с Горина на Амгунь. Нельзя ли хоть для предварительных разведок использовать наших студентов, в частности того этнографа студента, который на несколько дней позже приедет.

Итак, еще раз привет и просьба ответить на мои вопросы и желаю всего хорошего, а за студентов наших я уверен, что Вы их отечески тепло примите.

Ваш Л. Штернберг.

Р. С. Не приедете ли на юбилей нашей Академии?²⁹ Было бы очень приятно!

Автограф.

ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 16.

№ 16

18 мая 1925 г.

г. Ленинград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Спасибо за Ваше письмо, но не могу понять, почему Вы не ответили на мои две телеграммы³⁰ в ответ на Вашу о помощнике в Музее. Я Вам в телеграмме рекомендовал мою ученицу, кончившую Географический институт по этнографическому факультету и которая имеет музейный опыт. Единственное объяснение, что Вы уехали из Хабаровска. Надеюсь все-таки, что в конце концов Вы телеграммы получите и ответите, согласны ли Вы. Она пока работает у нас в Музее, но уже раньше осени ехать не может, так как ввиду неизвестности она осталась работать на все лето.

За новогвинейскую коллекцию мы можем только спасибо сказать³¹. Вышлите ее наложенным платежом малой скоростью. Ваши книги в переводе я еще видел за границей и сердечно радовался за Ваши успехи, вполне заслуженные³². О своих впечатлениях от Ваших книг я Вам писал.

Теперь у меня просьба особая. Мне очень нужна небольшая гольдская коллекция, состоящая из *орнаментированной рыбьей* одежды, берестяной орнаментированной посуды и деревянных, травяных и других религиозных фигур. Сколько будет стоить, сейчас вышло. Желательно, чтобы обошлось рублем 50, точнее 75. При Ваших связях с гольдами это легко сделать. Особенно важны орнаментированные рыбы одежды и берестяные изделия. Эта коллекция нужна мне спешно к началу сентября. Очень, очень прошу Вас оказать мне эту дружескую услугу. Очень рад, что Вы заняли такое положение в деле изучения дорогого для Вас, да и для меня Края. Скоро Вам вышло свою статью о шаманстве, в которой много уделено гольдам.

У нас большая работа по перестановке в Музее по случаю расширения помещения в связи с 200-летним юбилеем Академии.

Взяли бы да приехали к юбилею. В кои-то веки такое событие, и свиделись бы кстати.

Надеюсь на Ваш скорый ответ.

Ваш
Л. Штернберг.

P. S. Если новогвинейская коллекция удобопересылаема по почте, то ее можно бесплатно переслать пудовыми посылками.

Автограф.

ИФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 17—18.

№ 17

26 ноября [1925 г.]

г. Ленинград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Я недавно только вернулся с Кавказа и узнал обо всем происшедшем в Музее, и ждал Совета, чтобы узнать его настроение относительно Ваших планов. Вы знаете, что теперь положение в Музее не то, что было раньше. Теперь так называемый Совет, разбившийся на партии, больше думает о своих личных мелких интересах, чем о Музее и хороших людях. Но это Вам не интересно, а важно то, что надежды добиться от Совета, чтобы *сейчас* Вам дали 6-месячную командировку, нет. Это можно было бы сделать несколько позже, после того, как Вы приедете и некоторое время послужите. Тогда я бы помимо Совета через Ольденбурга³³ бы дело устроил. Директор, как я узнал, послал Вам телеграмму о приезде. Не знаю теперь, как быть. Вы спрашиваете моего совета относительно переезда сюда³⁴. Прежде всего о материальной стороне. Вы бы получали как научный сотрудник 1-го разряда 150 (сто пятьдесят руб.), гораздо больше, чем ожидали. Но других источников в ближайшее время ожидать трудно. В Университете все занято. Другие на такую сумму с семьей живут. Очень трудно будет только с квартирой. Здесь тоже начался квартирный голод. Все же, если не сразу, квартиру — я думаю — найти можно будет. Конечно, здесь жизнь дороже, чем в Хабаровске, но жить, думаю, можно будет и досуга для работы довольно будет. Труднее решить вопрос, к какой работе Вас приспособить в Музее, но придумаю, ведь Вы по моему Отделу будете. Главным образом работа будет по устройству нового Отдела по эволюции культуры. Так что решайте насчет приезда, не откладывая. *Я склоняюсь в пользу Вашего переезда.*

Тороплюсь с письмом, потому что и без того запоздал с ответом, желал ориентироваться в настроениях Совета. Но Вы считайтесь только с Вашими интересами, и если Ваш интерес в окончании работы, то колебаться не нужно. Об одном я должен Вас предупредить: здесь печататься (особенно большую работу да с фотографиями) почти невозможно. В этом отношении у Вас там дело куда лучше обстоит. Ваши просьбы насчет Липского и благодарности заведующему Нарообразом исполню³⁵. Всего хорошего.

Ваш
Л. Штернберг.

Р. С. Привет Серкам³⁶. Надеюсь, что Вы ими довольны.

Р. С. Я не писал о своем личном настроении, поскольку я лично буду рад иметь общение с Вами здесь и быть чем-нибудь полезным Вам, но Вы, надеюсь, сами это чувствуете и знаете.

Автограф.

ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 19—20.

№ 18

12 января 1926 г.

г. Ленинград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Обращаюсь к Вам по следующему вопросу: мы снаряжаем экспедицию, которой поручается подняться вверх по Горину и с верховьев этой реки перебраться в бассейн Амгуни. Очень важно знать предварительно, возможно ли это выполнить в летнее время (сходятся ли настолько близко верховья Амгуни и Горина, что можно без особенных затруднений проделать путешествие по обоим рекам на лодке. В случае невозможности возможно ли летом передвигаться в этих местах на оленях). Если оба эти способа представляются невозможными, то окажется ли возможным совершить этот переезд зимою на собаках. В последнем случае в какое время необходимо выехать на Горин.

Другой вопрос, какой наиболее удобный путь, чтобы перебраться с верховьев Горина к верховьям Кура, а также сообщить сведения хотя бы самого общего порядка о составе, численности населения по реке Куру.

Еще прошу, что известно о кочевом населении верховьев Амгуни, Горина и Кура. И наконец сообщить сведения о ценах по передвижению и можно ли пользоваться содействием администрации для бесплатного или по крайней мере льготного проезда на оленях, собаках и на лодке. Сведения эти нужны крайне срочно, и мы будем весьма признательны за возможно

скорое исполнение нашей просьбы. Просимые сведения, мы полагаем, можно добыть только расспросным путем у местных гольдов, еще лучше от самогиров, которые с Горина приезжают в Хабаровск за покупками, и, наконец, от агентов разных торговых учреждений, особенно от скупщиков мехов, но возможно, что такие сведения имеются и у административных органов и в топографическом отделе. Необходимо использовать все эти источники. Наконец, большая просьба — прислать подробную карту того сектора реки Амура, в который входит река Горин.

С приветом
Ваш Л. Штернберг.

Р. С. Сообщите Ваш владивостокский адрес. Очень жалею, что на съезд не сумею приехать, но в октябре рассчитываю быть по пути в Японию у Вас³⁷. Сердечный привет.

Л. Штернберг.

*Машинопись на офиц. тип. бланке МАЭ, с авт. подписью.
ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 22.
На полях с левой стороны помета В. К. Арсеньева:
«Отвечено 15.II.1926 г.».*

№ 19

12 мая 1926 г.

г. Ленинград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Очень благодарен Вам за сообщенные сведения для экспедиции, которые оказались очень полезными. Очень извиняюсь, что своевременно не ответил. Теперь получил второе Ваше письмо³⁸. Очень жалею, что лично принять участие в экспедиции не могу, надеюсь, что мои ученики справятся с предварительной работой. Что касается Ваших просьб, я их с удовольствием исполню как относительно редактирования, так и рецензии³⁹. Я очень жалею, что в ближайшую книжку нового журнала «Этнография» мне не удалось поместить рецензии, т. к. она спешно составилась. В следующей книжке обязательно помешу. А может быть, в Краеведении. Очень жаль, что Л[ипский] назначен секретарем Туземного отдела, хотя на официальный запрос я дал отрицательный отзыв. Его хулы не бойтесь. Вас достаточно знают. Наконец, Вас читали, а будут ли его брошюру читать, это еще вопрос⁴⁰. Здесь мне попала какая-то статейка о народах Амурского края, где все слишком уж грубо наврано.

Сейчас еду спешно в Москву для защиты программы этнографического отдела. И поэтому заканчиваю. Всего лучшего, дорогой Владимир Клавдиевич!

Ваш Л. Штернберг.

Автограф.

ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 21.

ПРИМЕЧАНИЯ

№ 1

¹ Письмо от 12 июля 1913 г., написанное после трехлетнего перерыва в переписке.

² В 1910 г. В. К. Арсеньев послал в Музей антропологии и этнографии Академии наук (МАЭ) не вскрытую гробницу, в которой был захоронен ороцкий старшина Ингину, от сына которого В. К. Арсеньев узнал позднее, что в рукавицах и чулках покойника были зашиты золотые монеты на сумму 250—280 руб. В. К. Арсеньев написал об этом В. В. Радлову и просил проверить достоверность этого сообщения.

№ 2

³ Музей антропологии и этнографии АН выслал В. К. Арсеньеву 150 руб. на приобретение нанайских вышивок и костюмов с закрывшейся в Хабаровске выставки, посвященной 300-летию царствования дома Романовых.

№ 3

⁴ Врач-этнограф Н. В. Кирилов в 1913 г. послал в МАЭ один фигурный пень с корневищами, а другой передал в Хабаровский музей. Так как пни эти парные, то В. К. Арсеньев предложил прислать и второй пень, поскольку в Хабаровском музее уже имелось два пня, привезенных В. К. Арсеньевым в 1911 г.

⁵ «Уди» — так Л. Я. Штернберг назвал в этом письме удэгейцев, монографию о которых В. К. Арсеньев намеревался закончить зимой 1914 г., вложив в нее «всю свою душу». Вообще, Л. Я. Штернберг употреблял в своих письмах термин «удэгейцы» в разных вариантах: «уди», «кекари», «удыхэ», «удыхе», «удехе».

⁶ «Северный проект» экспедиции В. К. Арсеньева предусматривал маршрут: Берингов пролив, остров Св. Лаврентия, остров Врангеля. Осуществлен не был.

⁷ Йохельсон Владимир Ильич (1856—1942), народоволец, ссыльный, участник экспедиций Джексона (1900—1902) и Рябушинского (1910—1913) на Камчатку и Алеутские острова; с 1900 г. был связан с Академией наук; занимался этнографическими исследованиями северных народностей. С 1922 г. жил в Северной Америке.

Богораз (Тан) Владимир Германович (1865—1930) — народоволец, ссыльный, этнограф, языковед, фольклорист, писатель. Изучал этнографию и фольклор чукчей, один из организаторов высшего этнографического образования в СССР.

⁸ Гондатти Николай Львович (1861—1945) — этнограф, приват-доцент Московского университета, анадырский окружной начальник (1893—1898), тобольский (1905—1908) и томский (1908—1909) губернатор; с 5 ноября 1909 по 1917 г. — приамурский генерал-губернатор. После революции эмигрировал в Харбин. Известен своей реакционной политикой на посту приамурско-

го генерал-губернатора. В. К. Арсеньев по службе был в непосредственном подчинении у Н. Л. Гондатти, всячески препятствовавшего исследованиям путешественника.

№ 5

⁹ Имеется в виду выставка 1913 г. в г. Хабаровске, организованная в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых.

¹⁰ В. К. Арсеньев просил прислать книги Д. Леббока «Начало цивилизации» и «Доисторические времена».

¹¹ В 1913 г. в Хабаровске В. К. Арсеньев образовал кружок любителей этнографии, в который входили: М. К. Азадовский, И. А. Лопатин, К. А. Гомоюнов, А. Н. Свириг. В 1914 г. В. К. Арсеньевым было организовано историко-археологическое отделение при Амурском отделе РГО.

¹² Зарубин Иван Иванович — участник экспедиции Л. Я. Штернберга 1910 г., сотрудник МАЭ, профессор Ленинградского университета, знаток языков народностей Памира.

¹³ Азадовский Марк Константинович (1888—1954) — литературовед, фольклорист, друг В. К. Арсеньева и автор работы о нем (В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957. Вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского).

№ 6

¹⁴ «Кекари» — так называл Л. Я. Штернберг удэгейцев. См. примеч. № 3.

№ 7

¹⁵ О приезде С. Ф. Понятовского В. К. Арсеньев сообщал в ответном письме от 28 мая 1914 г.: «Был у меня от Вас Понятовский. Мы хорошо познакомились, измеряли инородцев и лепили с них маски. Полное содействие я ему оказал. Подробно о встрече С. Ф. Понятовского с В. К. Арсеньевым см.: Б. П. Полевой. С. Понятовский о В. К. Арсеньеве.— «Дальний Восток», 1976, № 9, с. 130—135.

№ 8

¹⁶ Имеется в виду экспедиция на север от нижнего Амура, в которую В. К. Арсеньев так и не смог выступить тогда из-за препятствий со стороны Н. Л. Гондатти. Осуществлена уже после революции, в конце 1917 — начале 1918 г.

¹⁷ Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Т. I—III. СПб., 1883—1899; Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., 1860.

№ 11

¹⁸ См. примеч. № 16.

№ 12

¹⁹ Письмо В. К. Арсеньева от 4 января 1917 г., в котором сообщалось о разрыве В. К. Арсеньева с Н. Л. Гондатти. См. примеч. № 23.

²⁰ Деньги на эту экспедицию предоставил Организационный комитет лесных и горных предприятий в Приморской области, находившийся в Петрограде. Кроме того, 600 руб. В. К. Арсеньев получил от МАЭ на приобретение коллекций во время экспедиции, откладывавшейся из года в год по вине Н. Л. Гондатти.

²¹ Широкогоров Сергей Михайлович (1887—1937), ученик Л. Я. Штернберга, сотрудник МАЭ, в 1916—1917 гг. был командирован в Приамурский

край для исследования местных народностей, где неоднократно встречался с В. К. Арсеньевым, передавшим ему полученные от МАЭ 600 руб. С. М. Широкогоров в 1922 г. эмигрировал в Китай.

²² В. К. Арсеньев 6—15 июня 1916 г. выступал в Обществе русских ориенталистов в г. Харбине с пятью докладами, один из которых опубликован полностью («Этнологические проблемы на востоке Сибири»), а остальные — в конспективном виде (см. «Вестник Азии». Харбин, 1916, № 38—39, с. 50—76, 331—339).

²³ Убедившись в том, что Н. Л. Гондатти не дает разрешения на экспедицию, В. К. Арсеньев в конце 1916 г. порвал с ним всякие отношения и уволился из его канцелярии. В начале 1917 г. он поступил на военную службу в Штаб Приамурского военного округа.

№ 13

²⁴ В. К. Арсеньев. По Уссурийскому краю. Владивосток, 1921; см. также его книгу «Дерсу Узала». Владивосток, 1923.

²⁵ Мерварт Александр Михайлович — этнограф, сотрудник МАЭ, в 1914—1918 гг. находился в экспедиции в Индии и на Цейлоне, при возвращении из которой вынужден был задержаться во Владивостоке.

№ 14

²⁶ Семенов Илья Иванович — сослуживец В. К. Арсеньева по Управлению дальрыбохоты, в 1923 г. ездил в Петроград и виделся там с Л. Я. Штернбергом.

²⁷ Имеется в виду Комиссия по изучению племенного состава народов России и сопредельных стран при Академии наук (сокращенно КИПС), в работе которой принял участие и В. К. Арсеньев.

²⁸ Липский Альберт Николаевич — этнограф. См. также примеч. 40.

№ 15

(Дата этого письма установлена на основании ответного письма В. К. Арсеньева.)

²⁹ В. К. Арсеньев был командирован от дальневосточных научных организаций на 200-летний юбилей Академии наук СССР в 1925 г., но ввиду задержки командировочных документов прибыл на юбилей с опозданием и уже не застал в Ленинграде Л. Я. Штернберга, уехавшего на Кавказ в санаторий.

№ 16

³⁰ Упомянутые телеграммы не сохранились. Молчание В. К. Арсеньева было вызвано неопределенностью с вакантной должностью в Хабаровском музее, на которую он сначала предполагал взять этнографа П. П. Хороших, а затем по просьбе Л. Я. Штернберга устроил Н. А. Серк (Богданову), ставшую впоследствии профессором Хабаровского педагогического института. См. примеч. № 36.

³¹ В Хабаровском музее имелись новогвинейские коллекции, которые В. К. Арсеньев предложил выслать в МАЭ.

³² Книги В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» были переведены на немецкий язык и изданы в Берлине в 1924 г.

№ 17

³³ Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — академик, востоковед, неперменный секретарь Академии наук СССР; с ним В. К. Арсеньев также состоял в переписке.

³⁴ В письме от 20 октября 1925 г. В. К. Арсеньев просил совета у Л. Я. Штернберга относительно возможности своего переезда в Ленинград.

Несмотря на то что В. К. Арсеньев был уже зачислен в штат МАЭ на должность научного сотрудника 1-го разряда, все же переезд не состоялся. Путь-шественник остался на Дальнем Востоке до конца жизни.

³⁵ В. К. Арсеньев обращался к С. Ф. Ольденбургу и Л. Я. Штернбергу с просьбой прислать от имени Академии наук благодарность заведующему Дальневосточным отделом народного образования М. П. Малышеву за его постоянную заботу о научно-исследовательских учреждениях Дальнего Востока.

³⁶ Ученики Л. Я. Штернберга Н. А. Серк (Богданова) и Н. Ю. Серк были устроены В. К. Арсеньевым на работу в Хабаровске.

№ 18

³⁷ Имеется в виду I конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока 1926 г. в Хабаровске. Осенью 1926 г. Л. Я. Штернберг был в Токио на III Тихоокеанском конгрессе, но предполагавшаяся его встреча с В. К. Арсеньевым не состоялась.

№ 19

³⁸ Упомянутые сведения В. К. Арсеньев сообщил в письме от 15 февраля 1926 г. Ни это письмо, ни следующее не сохранились.

³⁹ В. К. Арсеньев в письме от 30 апреля 1926 г. просил Л. Я. Штернберга быть редактором его монографии об удэгейцах «Страна Удэхе» и дать отзывы о книгах «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Просьба не была исполнена из-за болезни и смерти Л. Я. Штернберга.

⁴⁰ А. Н. Липский систематически выступал с резкой и зачастую неправомерной критикой этнографических работ В. К. Арсеньева. Это обстоятельство принуждало В. К. Арсеньева обращаться к Л. Я. Штернбергу, В. Г. Богоразу и другим ученым за отзывами о его работах.